

ПЕДАГОГИКА

(шифр научной специальности: 5.8.7)

Научная статья

УДК 37

doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-124-130

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В УСЛОВИЯХ КВАЗИИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СИМУЛЯКРА ОБРАЗОВАНИЯ

© *Наталья Николаевна Творогова*

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

alex-boy@yandex.ru

Аннотация. Анализируются педагогические условия квазиинтеллектуальной направленности личности преподавателя высшей школы как новой реальности противостоящей сущности педагогической деятельности. Ее деструктивные черты во многом высвечиваются, если сравнить квазиинтеллектуала с его оппонентом интеллектуалом. Бытие последнего в высшей школе подчинено поиску смысла бытия человека и гуманизации образования. Он не может поступиться принципами академической свободы потому, что они для него и есть смысл преподавательской деятельности. Это деятельность есть освобождение себя через освобождение других путем поиска истины человеческого бытия. Именно этого не может дать симулирующий образовательную деятельность квазиинтеллектуал.

Ключевые слова: интеллектуал, квазиинтеллектуал, наукометрия, чиновник, академическая свобода, университет, экзистенциальная направленность личности.

Для цитирования: Творогова Н.Н. Экзистенциальная сущность интеллектуала в условиях квазиинтеллектуального симулякра образования // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. С. 124-130. doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-124-130.

PEDAGOGY

(specialty: 5.8.7)

Original article

Existential essence of intellectual under conditions of quasi-intellectual simulacre of formation

© *Natalya N. Tvorogova*

East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

alex-boy@yandex.ru

Abstract. It is considered the pedagogical conditions of the quasi-intellectual orientation of the personality of the teacher of higher education as a new reality of the opposing essence of pedagogical activity. Its destructive features are largely highlighted if to compare the quasi-intellectual with the opponent intellectual. The existence of the latter in high school is subordinated to the search for the meaning of being a person and the humanization of education. He cannot compromise the principles of academic freedom because they are the meaning of teaching for him. This activity is the liberation of oneself through the liberation of others by seeking the truth of human being. This is exactly what quasi-intellectual simulating educational activity cannot give.

Key words: intellectual, quasi-intellectual, scientometry, official, academic freedom, university, existential orientation of personality.

For citation: Natalya N. Tvorogova Existential essence of intellectual under conditions of quasi-intellectual simulacre of formation. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 95. No 6. P. 124-130. doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-124-130.

Введение

Столкновения между властью и истиной выступают теми моментами, которые актуализируют проблему интеллектуализации и бюрократизации образовательного пространства. Власть всегда стремится убить истину тем, что провозглашает ее обретение и построение на ней некоего иерархического порядка с построенным по ее проекту коллективным или инди-

видуальным субъектом. Она ведет к отождествлению с тем сообществом, которое позволяет говорить о субъекте-объекте власти, о субъекте, обладающем минимальным волевым ресурсом для того, чтобы удержаться в состоянии идентичности предложенной властью. Поэтому господство науки в образовательном пространстве выступает не чем иным, как рациональным господством власти над интеллектуальным сообществом, осуществляемым при помощи квазиинтеллектуалов. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет: «Если бы немецкая наука зависела исключительно от институциональных достоинств университета, она была бы совершенно ничтожна. К счастью, дух свободы, присущий немецкой душе, преисполнен воодушевления и научного таланта и сглаживает грубые недостатки своего университета» [5, с. 27].

Наука локализована быть не может, поскольку всегда меняет шкалы измерения, всегда ускользает вслед за мыслью. Для власти уповать на науку в стенах университета означает пытаться локализовать то, что локализовать нельзя. Мы в данном случае говорим о локализации мысли. Интеллектуал в погоне за ней постоянно стремится уйти от сконструированной идентичности научного сообщества, как локализации того, чего нет. Ему заведомо известны два постулата. Один гласит, что мышление и мысль локализовать невозможно, ибо никто до сих пор не определил объективные и даже субъективные условия их, порождающие и черты их проявления¹. Второй утверждает, что когда возникает мысль – исчезает субъект.

Обсуждение

Как отмечал М.К. Мамардашвили: «Теперь посмотрим, что же у нас получилось в продвижении по этой горной тропинке мысли? Первое – чувственных радостей мы лишились; если мы собираемся мыслить, нас не выручат промежуточные успехи. Нагой меч, голый меч перед нами или «мысль, острый луч! бледнеет мысль земная». Второе – если нам повезет на мысль, то мы оказываемся в мысли вынужденными к молчанию. Ведь в любой данный момент есть все слова, а из слов составлены симулякры, которые вполне похожи на ваше виденье» [3].

Однако справедливости ради необходимо отметить и то, что «академическая свобода» не должна пониматься так, что интеллектуализация должна быть независимым от государства и общества процессом. Ее трактовка не должна быть такой, о которой в свое время писал П. Фейерабенд: «Я подозреваю, что, когда заводят абстрактный разговор о «независимости», считая унизительным опускаться до столь презренных вещей, как деньги, в действительности хотят, чтобы публика платила, зато, чтобы художник (ученый, писатель) жил и работал так, как ему хочется, т.е. как паразит: академики, используя магическое заклинание «академической свободы», уже давно ухитрились сделать паразитизм респектабельным. Теперь и художники претендуют на это. Я против всякого паразитизма, следовательно, я против академической свободы и любой «независимости художника»» [8, с. 365].

Такая трактовка академической свободы вызывает недоверие и сопротивление со стороны чиновника и самого интеллектуала. Ему нужна другая трактовка «академической свободы». Эта трактовка в первую очередь направлена на то, что называется сохранением лимитальности образовательного и научного пространства. Это означает, что научные труды доктора наук должны подвергаться такой же принципиальной критике, как и труды молодого ученого. Прошлые заслуги и достижения должны быть не в счет. Если же речь идет все-таки о выделении статусных различий, то к этому следует подходить с точки зрения справедливой оценки со стороны коллег, а не каких-либо правил, по которым полагается жить интеллектуалам. Воля к истине, к сожалению, не может быть измерена иначе, как через поступок немеркантильного свойства. Мыслящий субъект возрождает историю там, где квазиинтеллектуал и чиновник решили провозгласить ее оконченной.

¹ Теория науки, которая изобретает стандарты и структурные элементы всякой научной деятельности и освящает их ссылкой на некоторую теорию рациональности, может производить впечатление на посторонних, однако является слишком грубым инструментом для работающих людей, т.е. для ученых, сталкивающихся с конкретными проблемами. Самое большее, что мы можем для них сделать, это перечислить известные правила, привести примеры из истории, представить case studies, содержащие различные способы действий, продемонстрировать внутреннюю сложность научного исследования и тем самым подготовить их к той неопределенности, в которую они входят [8, с. 369–370].

Статусом должен быть наделен тот, кто творит новое интеллектуальное сообщество, воплощенное в новом стиле мысли и жизни¹. И чиновнику и квазиинтеллектуалу это неведомо, поэтому они в лице академиков уповают на некую общую мораль, которая создает научное сообщество. Нет хаоса, есть порядок, но для постнеклассической науки он подобен смерти, против порядка во имя хаоса и выступает академическая свобода, настаивающая на историчности субъекта там, где его историчность сменена на симулякр универсальности субъекта. Ответственность интеллектуала настолько велика, что ее невозможно представить и поэтому чиновник стремится подозревать последнего в том, что он безответственен.

Привлечь интеллектуала к ответственности можно наукометрическими или бухгалтерскими методами, но будет ли это той ответственностью, которую последний сам на себя возложил. Это ответственность творца за свое творение. У интеллектуала это мысль, которая порождает мысль потомка. Он повторяет ее из труда в труд, из статьи в статью и наталкивается на партию чиновников и партию квазиинтеллектуалов, как не ведущих борьбы за истину, как симулирующих волю к ней и бои за нее.

Он смотрит на их достижения и понимает, что избегание будущего с его непредсказуемыми вопросами и составляет суть их достижений. Они из храма науки давно сделали контору или капище. Как отмечал Ф.И. Гиренок, они стали подобны историкам философии, которые остановили философию тем, что остановили в истории процесс философствования. «Философия не нормирована, своевольна. Историк философии – транслятор норм. Это лазутчик культуры, соглядатай власти» [1, с. 20]. В данном высказывании на лицо схватка квазиинтеллектуала и интеллектуала в контексте упования на основополагающее значение философии в обозначении антисистемного характера процесса интеллектуализации. Квазиинтеллектуал есть субъект, несущий в образовательное пространство системность и помогающий чиновнику эту системность контролировать. Самое странное заключается в том, что когда необходимым станет мышление, то образовательное пространство будет выглядеть как руины до тех пор, пока не вернется философия².

А это означает конец господства истории науки в стенах вуза и начало диалога философии с еще не рожденной наукой. Коллекция научных плеоназмов будет заменена на идеи, которые будут случаться, а не планироваться. Экзамен будет бунтом интеллектуала, а не изложением известных преподавателю формул.

Постановка проблемы, таким образом, ставит во главу угла вопрос – можно ли отделить столь смешанных субъектов в образовательном пространстве друг от друга? И если да, то как скоро и насколько данное разделение будет справедливым и эффективным. Ведь наукометрия с ее индексами Хирша или цитированиями показала, что такая форма дифференциации на руку чиновнику и квазиинтеллектуалу, а не интеллектуалу. Его научная этика не позволяет ему проделывать симулятивные операции по надуванию индекса Хирша или цитирований, а поэтому в механизмах наукометрии интеллектуал без защиты и имени обречен. Большая масса поглотит малую, ибо таков закон физики. Однако и малая масса может привести к большому взрыву, и от большой массы не останется следа. Чтобы это произошло, нам необходимо этот механизм отыскать и проверить его действие, экспериментально или теоретически обосновать прогнозы его применения, если эксперимент запретят.

Заметим, что наукометристы разных мастей защищают данный метод по причине того, что буржуа или чиновник должен знать, кому и за что он платит деньги? Ему нужны надежные цифры, чтобы отчитаться наверх по вертикали власти или получить максимальную прибыль от вложения. Процесс бесконтрольного управления средствами не допустим.

¹ Как отмечает в своей статье о М. Фуко С.В. Табачникова: «Поиск такой формы морали, которая была бы приемлемой для всех – в том смысле, что все должны были бы ей подчиниться, – кажется мне чем-то катастрофичным». Этому Фуко противопоставляет «поиск стилей существования, настолько отличающихся друг от друга, насколько это возможно», поиск, который ведется в «отдельных группах» [9, с. 438].

² Как многозначительно определяет Ф.И. Гиренок: «Историк философии, создавая схемы упрощения, ищет то, что позволяет мысли завершиться, стать системой, то есть умереть» [1, с. 20].

А если избежать экономизации данного процесса, то есть отдать деньги и забыть об отчетности? Это кажется крамольным, но эффективным в силу того, что научное творчество или интеллектуализация – это процесс стратегический, а не тактический. Тратить на научный вундеркинизм можно, но эффект от него сомнительный.

При этом не следует говорить о том, что интеллектуализация процесс, идущий совсем без финансирования, просто это процесс эгалитарный и его результаты видны будут не сразу. Дифференциацию же следует провести по трем параметрам, которые вполне отчетливо дадут нам возможность отделить квазиинтеллектуала от интеллектуала в первую очередь, поскольку из этого отделения чиновник и менеджер сам по себе исчезнут в силу того, что одному не будет намека на прибыль, а другому на власть.

Итак, первым отделением квазиинтеллектуала от интеллектуала следует полагать то фактор, который можно назвать «индекс неуживчивости с начальством». В силу своего опережающего и открытого развития интеллектуал никогда не действует по инструкции. Его не следование инструкциям всегда зависит от того, что он действует ситуативно. Когда известного социолога Ч. Милса решили уволить за то, что он затягивал с отчетами или, заявляя одну тему, приносил работу на другую, то его руководитель сказал, что вся его лаборатория подаст в отставку, ибо у нее изымают генератор идей. Такой же схеме, но с увольнением, был подвергнут известный математик Г. Перельман.

Нам просто необходимо помнить о том, что индекс неуживчивости можно выявить путем опроса как руководителей, так и коллег с поправкой на отношение одних и других. Смеем заметить, что квазиинтеллектуал будет устраивать первых, но не устраивать вторых, если вторые действительно заняты интеллектуализацией. Наоборот, если «против» голосуют и руководители, и сотрудники, то вопрос следует ставить о том, с кем мы имеем дело в данном случае? Это вполне может быть результатом ситуации, когда интеллектуал попал «не туда», то есть в окружение квазиинтеллектуалов и сверху и снизу. Однако вполне возможно и соотношение непонимания со стороны интеллектуалов, подозревающих его в желании выделиться. Только для этого необходимо акцентировать внимание последних на том, что путь и проблема данного субъекта интеллектуальна, а вот их оценка вполне обыденна и несправедлива. Если окружение интеллектуальное, то оно поймет эту истину легко, квазиинтеллектуалы не смиряются.

«Личность всегда конфликт в обществе» – отмечал А. Дж. Тойнби, а интеллектуалы на конфликте вырастают, ибо истина одна, а путей к ней много, да она еще и ускользает. Поэтому если награды и звания находят интеллектуалов, то они их охотно меняют на новые проблемы и горизонты творчества. Квазиинтеллектуалы же подобны квазару, ибо давно потухли.

Неуживчивость интеллектуала таится в непредсказуемых поступках. Его сила в том, что он «отрекается» от веры «отцов и дедов», но не потому, что он подобно политизированному квазиинтеллектуалу (интеллигенту) стремится к обретению власти в новом мире, а скорее наоборот он удивляется миру «отцов и дедов» и стремится получить их веру уже не от них, а от самого себя, то есть, сделав себя предельным субъектом познания и обретя субъектность. Иначе говоря, интеллектуал пребывает в состоянии, когда «познавая, мы как раз утрачиваем дарованную уверенность, в которой пребывали до сих пор, и нам нужно своими собственными силами снова сотворить себе верование. А это неосуществимо, если человек не верит в то, что у него достанет на это сил» [6, с. 490].

Второй критерий заключается в том, что квазиинтеллектуал распознается по известной проблеме, по путям ее решения, по отсутствию катарсиса от изучения его трудов. Его труд всегда предсказуем, скучен и творчески не наполнен. Разве это не признак уживчивости с начальством. «Дурные человеческие поступки сопровождаются избытком моральных оправданий, и я каждый день замечаю, что честность не нуждается в правилах» – писал А. Камю [2, с. 60]. Интеллектуал вне правил, а значит его возможности намного шире, чем у квазиинтеллектуала, ибо, чтобы играть не по правилам необходимо быть одер-

жимым не реальностью, а идеей. Квазиинтеллектуал этим одержим быть не может в силу того, что он всегда пишет и говорит по правилам, предначертанным свыше. Он за это получает награду, а должен наказание.

Интеллектуал воображает, мечтает, рискует и не ждет награды для него награда и есть его воображение, его идея. Он четко усвоил одну мысль, высказанную Х. Ортегой-и-Гассетом, утверждающим, что «хорошо понять что-то можно только тогда, когда это что-то для нас не реальность, а идея...» [6, с. 485]. Если человек лишен желание высказывать воображаемое собой в силу того, что его неправильно поймут, то перед вами в образовательном пространстве квазиинтеллектуал.

Положение современного интеллектуала в образовательном пространстве сегодня выглядит следующим образом: «Теперь появились люди, среди которых имеются высокодаренные ученые с богатым воображением, заинтересованные в подлинном возрождении не только внешних черт далеких от науки форм жизни, но и тех видов мировоззрения и форм практики (навигации, медицины, теории жизни и материи), которые когда-то были с ними связаны» [7, с. 509].

Блокированное воображение квазиинтеллектуала ведет к тому, что он реальность считает единственным миром, к коему следует приспособливаться. Он не может вообразить, например, как он будет жить без образовательного пространства. Ведь он либо уйдет в иную сферу, где у него вновь получится приспособиться, либо воротиться обратно, но свое образовательное пространство он вообразить не сможет, тем более у него нет сил его воплотить. Когда-то автор этой монографии знал товарища, который выпускал свои поэтические сборники, но когда замаячила должность чиновника, его друг повел себя не как поэт, а как типичный квазиинтеллектуал, гоняющийся за пенсией. Справедливости ради необходимо отметить, что чиновник из него получился тоже неважный, ибо его творческая натура не смогла дать ни одной идеи и даже не смогла исполнить инструкции.

Интеллектуал вполне готов к тому, что его за идею изгонят из вуза. Но заниматься наукой, методикой или преподаванием он не перестанет. Его желание следовать этосу науки вполне объяснимо тем, что иного пути к истине для него нет. Он строит свою жизнь на императивах, которые невозможно отвергнуть, ибо иначе служения науке не будет. Как отмечает Р. Мертон: «Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и поддерживаемые санкциями, в различных степенях интернализируются ученым, формируя тем самым его научную совесть или, если кто-то предпочитает это новомодное выражение, его суперэго» [4, с. 769].

Если перефразировать К.С. Станиславского, то одним из таких императивов выступает выражение: «Любите науку в себе, а не себя в науке». Однако наряду с этим необходимо отметить, что для интеллектуала наука – это лишь одна из возможностей поиска истины, зачастую не самая важная. Он готов ее променять на тот путь к истине, который таит в себе, скажем, религиозный опыт или философия, или мифология. Ведь этос науки схож весьма с этосом религии. Интеллектуал должен вполне дать понять, что в образовательном пространстве не должно происходить такого освобождения субъекта, которое описал П. Фейерабенд. «Он, анализируя борьбу за права негров отметил: «Однако в тот период равенство, включая “расовое” равенство, еще не означало равенства традиций; оно означало равный доступ к одной частной традиции – традиции белого человека» [7, с. 507].

Возможно, что попытка возрождения традиций мышления и есть тот самый третий признак, отличающий квазиинтеллектуала от интеллектуала, ибо первый на них не пойдет по причине того, что это ведет к утрате господства науки и образования на ней основанного, а он только в этой структуре удобно устроился. Он никогда не признает науку одной из форм интеллектуализации образовательного пространства. Он навсегда попытается спрятать истину о том, что «сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям» [7, с. 513].

Совпадение этоса науки и этоса религии для квазиинтеллектуала недопустимо, ибо он стоит на той позиции, что все кроме науки отыграло свою роль. Причастность к ее господству, для него является смыслом жизни¹. Иначе говоря, нам необходимо для устранения квазиинтеллектуала из образовательного пространства, усомниться в господстве прошлых достижений науки. Ввести в образовательное пространство лиминальные практики не составляет труда, ибо это соответствует этосу современной науки. Как подчеркивал Р. Мертон: «Этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорытность и организованный скептицизм» [4, с. 770].

Выводы

Совпадает ли это с этосом религии, кроме организованного скептицизма, замененного на догматизм вполне. Впрочем, и скептицизм в религии в форме религиозного опыта допускается, а догматизма и в науке хватает. Если уравнивать религиозную традицию и научную традицию, то вполне очевидным станет тот факт, что ни там, ни там о господстве не может идти речи. Религиозный опыт как доктрина уничтожения господства паразитирующих на теле религиозного сообщества субъектов, также вполне допустим для уничтожения господства квазиинтеллектуалов в образовательном пространстве. Ведь религиозный опыт – это предпочтение духовной общины священной иерархии. Духовная община длится и возникает вновь в ситуации, когда она должна возникнуть, а священная иерархия один раз возникнув, питается прошлыми заслугами. Прекращение возможности питаться прошлыми заслугами есть механизм устранения квазиинтеллектуала из образовательного пространства².

Представим себе на миг, что государство отделилось от науки, рынок понял, что иные традиции вполне приемлемы для производства товаров и услуг, образование отделено от государства и представлено только встречей различных мировоззрений с целью образования субъекта. Что из этого выйдет?

Первое достижение будет заключаться в том, что общество само разберется в том, какое образование ему необходимо. Возникнет образовательная полифония. Сбудется мечта И. Илича с его обществом без школ. Устранится проблема: «Ученики есть. Учителей нет». И самое главное: квазиинтеллектуал не будет в образовании представлен там, где он представлен сейчас. Не следует это понимать так, что квазинауки или квазиинтеллектуального образования не будет, оно будет, этот феномен неустраним. Просто он будет локализован.

Одно из чувств, которое усваивается ученым с самого начала его профессионального обучения, связано с чистотой науки. Наука не должна позволить себе стать служанкой теологии, экономики или государства. Функция этого чувства соответственно состоит в том, чтобы оберегать автономию науки. Ибо в случае принятия таких вне научных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономическая полезность или политическая благонадежность, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и ее место в обществе становится все более и более неопределенным. Упорный отказ ученых от применения утилитарных норм к своей работе имеет своей основной функцией избежание

¹ Следует обратить внимание на то состояние духовности общества, которое П. Фейерабенд характеризует следующим образом: «Верно также и то, что теперь большинство соперников науки либо исчезли, либо изменились так, что конфликт их с наукой (и, следовательно, возможность получения результатов, отличающихся от результатов науки) больше не возникает: религии «демифологизированы» с откровенной целью приспособить их к веку науки, мифы «интерпретированы» так, чтобы устранить их онтологические следствия. Некоторые особенности этого процесса вполне понятны. Даже в честной борьбе одна идеология нередко пожинает успехи и побеждает своих соперниц. Это не означает, что побежденные соперницы лишены достоинств и не способны внести свой вклад развитие нашего познания, просто они временно истощили свои силы. Они способны возродиться и нанести поражение своим победителям» [7, с. 512].

² Как справедливо отметил П. Фейерабенд: «Наука не выделяется в положительную сторону своим методом, ибо такого метода не существует; она не выделяется и своими результатами: нам известно, чего добились наука, однако у нас нет ни малейшего представления о том, чего могли бы добиться другие традиции. Это мы еще должны выяснить» [7, с. 512].

этой опасности, которая особенно заметна в настоящее время. Из негласного признания этой функции, возможно, и проистекает тот, быть может, апокрифический застольный тост, который в ходу у ученых в Кембридже: «За чистую математику, и пусть она никогда не будет никому полезной!» [4, с. 758].

Список источников

1. *Гиренок Ф.И.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. 237 с.
2. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
3. *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении. – URL: <http://www.psychology.ru/library/00055.shtml> (дата обращения 12.10.2022).
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / Пер. с исп. М.Н. Голубевой; ред. пер. А.М. Корбут; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
7. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. Общ. ред. и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
8. *Фейерабенд П.* Прощай, разум / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.
9. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.

References

1. *Girenok F.I.* Absurdity and speech. Anthropology of the imaginary. M., 2012. 237 p.
2. *Camus A.* The rebellious man. Philosophy. Politics. Art. M., 1990. 415 p.
3. *Mamardashvili M.K.* Conversations about thinking. – URL: <http://www.psychology.ru/library/00055.shtml> (accessed 12.10.2022).
4. *Merton R.* Social theory and social structure. M., 2006. 873 p.
5. *Ortega y Gasset X.* The mission of the University / Translated from the Spanish by M.N. Golubeva; edited by A.M. Korbut; edited by M.A. Gusakovsky. Mn., 2005. 104 p.
6. *Ortega y Gasset H.* Aesthetics. Philosophy of Culture. M., 1991. 588 p.
7. *Feyerabend P.* Selected works on the methodology of science / Translations from English and German; General ed. and auth. intro. art. I.S. Narsky. M., 1986. 542 p.
8. *Feyerabend P.* Farewell, reason / Translated from English by A.L. Nikiforov. M., 2010. 477 p.
9. *Foucault M.* The Will to Truth: Beyond Knowledge, power and sexuality. Works of different years / Translated from French. M., 1996. 448 p.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 14.11.2022; approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.